

Ирина Верехтина

Обида

16+

Ирина Верехтина

Обида

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37894136

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда от Томки ушёл муж, она не плакала. Ушёл – и слава богу! Томка всем для него пожертвовала, а он не ценил, только пользовался. Другую себе нашёл. Небось, такая же выпивоха, злорадно думала Томка, собирая мужнины вещи. А в сердце острой щепкой вонзилась обида и ворочалась там, кровоточила, не заживала: от неё, домовитой, хозяйственной, заботливой, ушёл муж. И не просто ушёл, а к какой-то пьянчужке. К собутыльнице.

Содержание

Глава 1. Томкин муж	4
Глава 2. Обо всём понемногу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1. Томкин муж

Томка не плакала, когда от неё ушёл муж. Ушёл – и слава богу. У них и любви-то, считай, не было: как можно любить алкоголика?

Томкин муж алкоголиком не был, просто любил выпить под хорошую закуску, не теряя при этом головы. Но Томка упрямо называла мужа пьяницей, и спорить с ней... Спорить с Томкой муж не решался ни пьяным, ни трезвым.

Вот угораздило же её – выйти за такого! Ему бутылка милей семьи, и сын таким же растёт, к водке тянется. Отцовские гены, Толькины. А были бы Томкины, институт бы окончил, в интеллигенты вышел. А Генка на заводе работает... Правда, руки у него золотые, кухня и ванная комната – Томкина гордость и зависть соседок, всё Генкиными руками сделано—отделано, глянешь – глаз радуется!

И на даче у Томки ажур, и деньги целы: сын и баню сам поставил, и сарай, и в избе ему до всего дело есть. Вроде бы шутя работает Генка – тут молотком стукнет, там топором стешет, то столбик под крыльцом заменит, то ступеньку на крылечке подправит. Незаметно вроде, а изба как новая, сколько лет стоит!

Но любил после работы выпить. Томка его за это осуждала, и невестку осуждала – за то, что Генку не пилила, не ругала, молодые в согласии жили, не так, как она с Анатолием.

Не смущало Томку и то, что муж ушел от неё не просто так, а «к другой». – «Небось, такая же выпивоха, – злорадно думала Томка. – Толику с ней весело будет, сопьётся в хорошей компании!» Она сама собрала мужнины вещи в объёмистый баул, аккуратно складывая по сгибам. Анатолий удивился – ждал скандала, упрёков и слёз, а она рубашки ему гладит, мятые не хочет класть... Чудная. Радует, что ли, что одна останется? И сказал, уходя:

– Ну, Тома, простишь, не простишь, а я к тебе уж не вернусь. Не живём мы с тобой, а не пойми чего творим. А хочется пожить... нормально. Без этого. Понимаешь?

«Нормально» Толик прожил пять лет. И когда чужой сдавленный голос в телефонной трубке, запинаясь и давясь слезами сообщил Томке, что умер её муж (с Анатолием они не разводились, никому это не нужно было – ни ему, ни ей), она не заплакала. Ну, не было у Томки слёз – оплакивать чужого мужа!

На похоронах для приличия подносила к сухим глазам платок и отстранённо думала: «Скорей бы это всё закончилось, дома стирки гора... Пирогов бы напечь, Генку порадовать, да с тестом возиться долго а из невестки какая помощница? Только и умеет фарш крутить да котлеты лепить...»

Генка не мог сдержать слёз, жалел отца. Мать смотрела осуждающе – плачет, словно отец его растил. Она, Томка, растила. Умер, значит так богу угодно. Пусть по нему его алкашка плачет, гражданская жена. Слово-то какое... неуют-

ное. Какая она жена? Сожительница. Собутыльница.

Томка вот не плачет, а ведь от неё муж ушёл – сегодня как бы второй раз. А первый его уход помнился с обидой: от неё, домовитой, хозяйственной, положительной во всём, ушел к пьянчужке...

Томка увидела её на похоронах – в первый и единственный раз – обессиленную от слёз, сломленную горем. Сломанную, как молодое деревце. А она ничего, симпатичная, и на пьяницу не похожа совсем – фигурка складненькая да ладненькая, подбородок вздёрнут, на Томку как на пустое место смотрит.

А ведь сама их с Генкой позвала. И за место на кладбище заплатила, и о деньгах не заикнулась. Попробовала бы заикнуться, Томка бы ей сказала... Молчит, держится, хотя заметно, что из последних сил. Лицо слезами залито, а голову не опускает. Гордая.

Генка как-то раз билеты купил на спектакль, вот там – такие же были, как эта. Спектакль чудной, балет называется: артисты молчали как немые, не говорили ничего, только танцевали. Томка сначала не понимала, чего они там изображали, потом вроде как понимать стала: без слов всю историю рассказали, аж душа перевернулась в Томке, и Снегурку жалко до слёз, и бабуку с дедом, и Мизгиря-горемыку, и Леля-пастушка: счастье своё не увидел, мимо прошёл! Томка и не знала, что можно вот так – без слов, а как будто словами!

...И где её Толька такую отыскал, где подобрал? Или это

она его подобрала? Теперь вот одна осталась. У Томки сын есть и внучка (дома оставили, нечего ей тут), а у этой – кто? Стояла одна, ни на кого не глядя.

Потом расходиться стали. Начальник Толькин в «лэндровере» уехал, а за ним вся кодла-шоферня, Толикины собутыльники. Томка тоже хотела уйти, но сын попросил: «Мам, подожди, постоим ещё». А эта – одна ушла, никто не провожал. Каково ей теперь...

Томка опомнилась. Что это на неё нашло – разлучницу жалеть вздумала. Это что же получается? Её Толик, пустозвон, пьяница и бездельник, оказался кому-то нужен (этой вот заплаканной берёзке, и ведь любила, пять лет развода не требовала, теперь ничего не получит, ни с чем осталась!) А она, Томка, никому не нужна?

Неожиданно для самой себя Томка захлебнулась слезами. И всё повторяла хлопотавшим вокруг неё сыну и невестке: «Не нужна я никому, никому не нужна, никому...» Сын совал ей стакан с водой: «Мам, ты попей, попей водички, мам!». А она отталкивала его руку и всё выстанывала сквозь рыдания: «Никому не нужна-ааа!»

Генка плакал и уверял её, что она им нужна, и даже очень! Не было бы Томки, кто бы за дачей присмотрел, за огородом, кто бы Ритусю из школы встретил, обедом накормил... А Томка плакала и никак не могла успокоиться. Она и ночью не могла уснуть, вспоминала их с Толькой жизнь...

Жила она с мужем недружно: не прощала обид, не спус-

кала ошибок, а уж если муж приходил домой «под шофе» – устраивала, по меткому выражению Анатолия, показательные выступления с обвинением благоверного «по статьям расходов» и непременными слезами о загубленной мужем жизни.

С точки зрения самого Тольки, выпивал он не часто – с получки, да ещё с премиальных (которые исправно приносил домой и отдавал Томке), да ещё когда начальник работёнку левую подкинет. Анатолий работал автослесарем в гараже частной фирмы. Гаражный коллектив был дружный и спаянный, в беде одного не оставят, всегда выслушают, поймут, посочувствуют, если надо — денег займы дадут, и когда отдаст не спросят. Без проблем. Так что отказать друзьям Толька не мог. Да и не хотел. Пил не на последние, денег в доме хватало, и Томкины сандалы он никогда всерьёз не принимал: пусть её – пошумит, покричит, поревёт Томка, бабы все такие, что с них взять. Зато сына ему родила – точно копию сняла! Его, Анатолия, первенец, его продолжение. И лицом на него похож, и умом не подкачал, и руки золотые. Эх, повезёт какой-то, когда женится...

Размышляя о сыне, Анатолий светлел лицом и улыбался своим мыслям. Томка, видя на мужнином лице блаженную улыбку, распалась ещё больше – до слёз её довёл и радуется, скотина!

В свою очередь Томкин муж не спускал жене её увлечения турпоходами. Выйдя замуж, Томка в походы почти не ходи-

ла – раз в месяц, а то и в два, отправляя маленького Геню погостить к бабушке. Но редкие эти вылазки, для неё необходимые, как глоток свежего воздуха в душной и тяжелой семейной жизни, вызывали у мужа глухую неприязнь.

– Опять шляться намылилась? – недовольно бурчал Анатолий, не препятствуя, впрочем, жене метаться по квартире в поисках походных «аксессуаров» (мазь от комаров найти, кеды поискать на антресоли, из дивана достать шерстяные самовязные носки и такой же свитер).

Томка не удостаивала мужа ответом, молча собирала рюкзак. Но иногда срывалась и заявляла мужу, что он превратил её в посудомойку и что даже прислуга имеет право на личную жизнь, а друзья должны быть у каждого человека.

Муж сердито возражал:

– А я, значит, не человек? Я тоже с друзьями люблю посидеть, и для этого совсем не обязательно мотаться по лесам. О ребёнке бы подумала, всё на бабуку спихнуть норовишь.

– Да уж, конечно, водку пить в гараже удобнее, и магазин рядом. Он двадцать четыре часа работает, пей хоть всю ночь, обхлебайся! – резала мужу Томка. И встречала горящий ненавистью взгляд...

Маленький Геня пугался и начинал плакать, муж, бацнув дверь, уходил на кухню, а Томка с тяжелым сердцем звонила матери: «Мам, завтра с утра приезжай, Геню возмёшь до вечера. Вечером заберу... Да ничего не случилось, нормально всё. И голос нормальный. Ничего я не плачу, не при-

думывай».

В общем, с походами пришлось распрощаться, за что Томка всерьёз обижалась на мужа. Ревнует – значит, судит по себе, за самим грешки есть. Ну как ему доказать, что ничего у неё ни с кем всерьёз не будет? Не позволит она себе такого – семью разрушить, ребенка без отца оставить. И мужа никогда не бросит, хоть другого любит. А у того – жена... А на Томку только смотрит и вздыхает, хоть бы руку протянул – так нет же, не протягивает, а Томка злится и ждёт, когда ему надоест... в дочки-матери играть.

Впрочем, о походах Томка вспоминала редко: не хотела беречь. Выходные проводила дома – скребла и чистила, варила борщи (супы муж не любил), кипятила в баке бельё, добавляя в него персоль. – Муж любил кипенно-белое, крахмально-хрустящее, высушенное на воздухе и пахнущее свежестью. И пироги любил, с повидлом, с мясом, с рассольным сыром и веточками розмарина. Вот Томка и старалась – мыла, стирала, убирала, пекла, по воскресеньям ездила с маленьким Геней в зоопарк, а зимой учила кататься на лыжах. Геня даром что маленький, – на лыжах стоял с четырёх, не падал с пяти, а в шесть освоил коньковый ход, но больше любил горки и трамплины. – «Ну, мааа-аам, ну, можно? Там трамплинчик совсем маленький... Все катаются, а мне нельзя?» – «Нельзя. Вот подрастёшь, тогда...» Находчивый Генка пускал в ход испытанное средство: начинал громко реветь, размазывая по лицу слёзы, и Томка сдава-

лась: «Ну ладно, ладно. Сопли только вытри, кто ж в соплях с трамплина...». Томка вспомнила, как поднимала ревущего (уже всерьёз) Генку после «полёта» с трамплина, и не смогла сдержать улыбки.

А когда-то она ходила в лыжные походы, с привалом у костра и душистым чаем из закопченного котелка, в котором плавали сосновые хвоинки и листочки брусники. И компания была у Томки, весёлая и дружная. Где она теперь, Томкина компания? Вспоминают ли о ней? Или уже не вспоминают...

Отношения с мужем, раз пошатнувшись, так и не наладились. Уже не ходила Томка в походы, занималась домом, сыном. А вот с Анатолием... То, что было у них когда-то с Анатолием, ушло без возврата. Словно между ними выросла невидимая стена.

Муж приходил с работы, они вместе ужинали, смотрели телевизор, ложились спать. Утром Томка кормила мужа завтраком (вставать приходилось в пять, у него смена рано начинается), он молча вставал, ел тоже молча, потом молча ей кивал и хлопал дверью, и Томка грустно вздыхала...

А ведь когда-то по утрам уйти от неё не мог, случалось – на работу опаздывал. И улыбаясь счастливо, разводил руками: «Жена у меня такая... Не уйдёшь от неё! Не пускает. А работа – она ж не жена, никуда не убежит». И прощали ему на работе эти опоздания, слесарь был, что называется, от бога, другого такого не найдёшь.

Выходные Анатолий всё чаще проводил в гараже – «Работёнку подкинули левую, заплатят по-царски, ты ж хотела мебель новую, вот и купишь...» Возразить было нечего, деньги муж приносил домой всегда. Мебельный гарнитур был наконец куплен, Томка выбрала самый дорогой, и соседки, приглашённые на «смотрины», восхищённо цокали языками: «Эх, Томка, повезло тебе с мужиком! Нас бы так любили... Такую мебель отхватили, с ума сойти! Кожа натуральная, дерево натуральное, прямо как в кино».

И мебель у Томки была всем на зависть, и сын Генка вырос – все девчонки по нему сохли, и денег на всё хватало, а жизни не было! И счастья не было. Ненастоящее какое-то счастье – когда всё есть и ничего уже не надо. Не должно так быть, думала Томка. Анатолий пришёл к такому же выводу и однажды ушёл от неё, сказав на прощанье: «Эх, Томка, Томка... Полжизни я с тобой прожил и сам не понял, зачем. Ты ж не любила меня никогда. Ты деньги мои любила». Словно обухом по голове ударило Томку. Она молча поднялась и пошла собирать мужнины вещи. Доставала из шкафа по одной и бережно складывала в чемодан, словно прощалась. Наконец Томка щёлкнула замком и молча посмотрела на мужа, словно спрашивая о чём-то – без слов. Как в том, запомнившемся ей спектакле. Анатолий молча взял чемодан и ушёл. Если бы Томке тогда сказали, что она видит его в последний раз, Томка бы рассмеялась.

«Ну что ж... Насильно мил не будешь, – тихо сказала Том-

ка, когда за мужем захлопнулась дверь. – Со мной плохо было, так может, с другой будет хорошо. Коли надумаешь вернуться, возвращайся. Не выгоню. Здесь твой дом, твоя семья, здесь тебя любят, любого, и всегда будут любить. Ты так и не понял». В тишине опустевшей квартиры слова звучали как-то странно. Никто ей не ответит, никто не возразит. Томка без сил опустилась на табурет. Тишина казалась равнодушной, холодной, нежилой. Словно из дома – тёплого, надёжного, привычно уютного Томиного дома что-то безвозвратно ушло... Может, жизнь? – подумала Томка. Хотелось плакать, но не было слёз. Вместо них была пустота.

Глава 2. Обо всём понемногу

Обида вонзилась в Томкино сердце острой щепкой, и застряла в нём, не заживала, сочилась кровью, причиняла боль. Не любил её Толька. А она всем для него пожертвовала, от друзей отказалась, растеряла всех, не воротись. Для него одного жила.

А он не ценил, только пользовался. А теперь нашёл себе другую, Томка ему надоела, вот он и ушёл. Слезы брызнули из Томкиных глаз, а сердце словно умерло: ничего не чувствовало, ничего не желало. Пусто стало в сердце. Бесприютно. Вот вернётся из армии сын и скажет: «Эх, мама, что мне с тобой жить, отец ушёл, и я уйду». Ну и пусть. Ей уже всё равно.

Это раньше – переживала она за сына, когда в институт не стал поступать, как все нормальные дети. Сам пошёл в военкомат, дурак такой! А теперь... Пусть живёт как хочет, с кем хочет, разве его удержишь? Мужа вот – не удержала...

Вернулся из армии Генка. Услышав про отца, вроде и не удивился. В институт поступать не захотел, но и к отцу в гараж работать не пошёл (хотя Анатолий настойчиво звал сына к себе), нашёл работу в другом месте. Женился на однокласснице, и через два года молодые переехали к Томке. Светлана поначалу боялась свекрови, зная от мужа о её неуживчивом характере. Но Томка невестку не обижала и не

притесняла, выделила молодым в холодильнике две полки, оставив себе одну, разделила сковородки и кастрюли, показала, где что лежит в кухонном шкафу. Жили мирно, как две соседние страны: граница на замке, кухня – нейтральная полоса. Светлана оказалась аккуратной и домовитой, дом содержала в чистоте, взяв на себя уборку и мытьё полов. С мужем жили ладно, без скандалов и упрёков. Томка с удивлением поняла, что невестка её уважает, не притворяясь, совершенно искренне. И так же искренне гордится мужем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.